

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Опасное плавание	4
Викинги старые и новые	23
От готов — к варягам	43
Готлиб Зигфрид Байер	62

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Переодетый маркиз	89
Московские Геродоты	99
Василий Никитич Татищев	116
Русский исток	131

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Единственный	153
Герард Фридрих Миллер	162
Первые князья Русской земли	186
Полёт вендского сокола	205

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Служба в Академии	217
Своим путём	247
Варяжские гости	254

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Гёттингенский профессор	264
На «Восточном пути»	286
Летописец	291

Послесловие	307
Список литературы	310

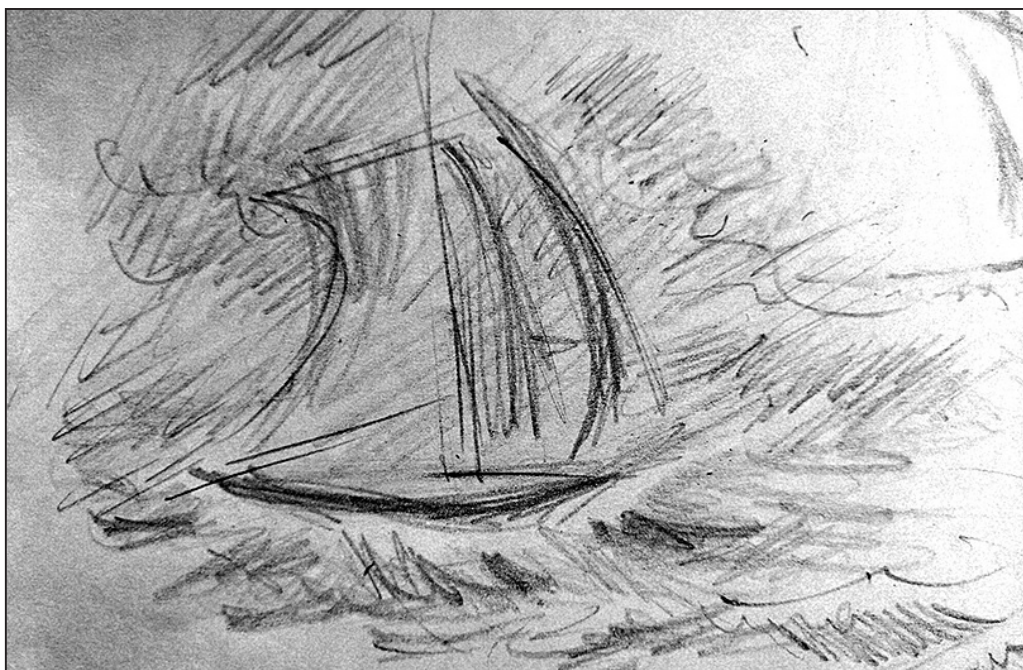

Рис. автора

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Опасное плавание

Вечером 21 сентября 1761 года из порта Травемюнде вышла в море видавшая виды шхуна. Целью плавания был Петербург — торговая Мекка европейских негодантов в самом дальнем углу Балтийского моря. Судно зафрахтовал один из купеческих домов Любека, имевший контору в русской столице.

Кроме команды, на борту находилось тринадцать пассажиров, и среди них молодой человек лет двадцати семи, по виду из учёных господ, но в наброшенном на плечи бараньем тулупе, обшитом грубой материей (красная цена такому на любекском рынке — четыре-пять рейхсталеров). В пассажирском списке он значился под именем Августа Шлёцера, магистра Гёттингенского университета. Восемнадцатью годами позже неизвестный художник снимет с него портрет — узкое лицо

с длинным, выступающим вперёд подбородком, упрямый изгиб плотно сомкнутых губ, цепкий взгляд тёмных глаз из-под сросшихся соболевых бровей. Вероятно, и в молодости он производил впечатление целеустремленной натуры.

Это было его третье морское путешествие, которое едва не стало для него роковым.

Август Людвиг Шлёцер появился на свет 5 июля 1735 года в местечке Гагштадт, близ Кирхберга¹ (графство Гогенлоэ-Кирхберг на юго-западе Германии). Родители его принадлежали к духовному сословию. Отец, Иоганн Георг Фридрих, был потомственный лютеранский священник. Мать, София Катерина, происходила из семьи сельского пастора.

Кирхберг

Месяц спустя, под жарким августовским солнцем, мимо Гагштадта устало промарширует двадцатитысячный корпус генерала Петра Лас-

¹ Современный Кирхберг-ан-дер-Ягст (Кирхберг-на-Ягсте).

си, посланный государыней Анной Иоанновной на помощь австрийской армии, действующей на Рейне против французов. Впервые русский солдат протопает насквозь всю Европу. Звуками полковых труб и барабанов Россия обозначит своё, пока ещё незримое, присутствие в жизни Шлёцера.

Ещё через три года в Кирхберге начнётся перестройка в стиле барокко средневекового графского замка, которая растянется на четверть века. Увидеть её окончание Шлёцеру не придётся. Когда ему исполнится пять лет, умрёт его отец, и маленький Август навсегда покинет родные места.

Осиротевшего ребёнка поначалу пристроят в дом его деда по матери, пастора Гайгольда. У этого семидесятидвухлетнего старца ещё останется сил, чтобы взять на себя руководство воспитанием внука. Читая и разъясняя мальчику Библию, он пробудит в нём будущую страсть — изучать и толковать слова, а познакомив с начатками латыни, положит начало его полиглотству.

Дедовы уроки помогут Августу поступить в школу в Лангебурге. Однажды, получив от десятилетнего внука письмо, написанное на безупречной латыни, пастор Гайгольд похлопочет о его переводе в латинскую гимназию в Вертхайме, где начальствует Иоганн Кристоф Шульц, женатый на старшей сестре Софии Катерины. Дом Шульца станет пристанищем Августа Шлёцера на следующие шесть лет.

К тому времени Шлёцер чувствует себя уже настолько самостоятельным, что решительно отказывается от роли малолетнего сироты-иждивенца. Его учёности хватает на то, чтобы зарабатывать на жизнь уроками латинского. Шульц расширяет эрудицию племянника, занимаясь с ним библеистикой и ещё тремя языками — греческим, еврейским и французским.

Взрослые удивляются тому, какими голодными глазами мальчик смотрит на книги. И хотя в дядином доме имеется превосходная библиотека, он со своих скромных учительских заработков прикупает дешёвые издания Эльзевиров и поглощает их днём и ночью, словно никак не может насытиться чтением. Не пройдёт и двух лет, как запойные штудии «карманных» томиков с мелким шрифтом водрузят на его детский нос толстые стёкла очков.

С особенной силой воображение юного книгочея будоражат книги о путешествиях и путешественниках — людях, которые подарили громадному театру человеческой истории новые подмостки размером

в десятки и сотни тысяч миль. Термин «робинзонада» уже в ходу, и Шлёцер с упоением набрасывается на приключения всех Робинзонов, каких только может достать, старых и новых, умных и глупых, вымышленных и существовавших на самом деле. К его услугам около полусотни подобных изданий только на немецком языке.

Не заблудиться в дебрях экзотических названий стран, морей, рек и городов Шлёцеру помогает книга Иоганна Гюбнера «Земноводного круга краткое описание из старой и новой географии» (1693) — лучший учебник географии того времени, переведённый на все европейские языки. Возможно, во время чтения о приключениях Робинзона в России через его руки прошёл и своеобразный путеводитель «Россия или Московия, а также Тартария с топографическим и политическим комментарием» (1630).

1751 год приводит шестнадцатилетнего Шлёцера под своды университета в Виттенберге. Он определяется на богословский факультет, так как родня прочит ему духовную карьеру, но после защиты тремя годами спустя диссертации *De vita Dei* («О жизни Бога») теряет всякий интерес к богословию и церковной жизни. Им овладевает жажда научных знаний — о религии, истории, географии, филологии, обществе, народах. Чутьё подсказывает ему, что за последним словом науки следует обращаться в Гёттингенский университет, и Шлёцер переводится туда.

Гёттинген расположился посреди живописной долины, окаймлённой зелёными отрогами Гарца, в окружении шести десятков сёл и местечек. Воды местной реки Лайне, как считалось, оказывали оздоравливающее действие при «каменной болезни» (отложениях камней в желчном пузыре).

Небольшой город (полмили в окружности) утопает в садах. Широкие улицы выстланы камнем и обведены по краям тротуарами. Домовладельцы тщательно следят за внешним видом зданий, опрятностью и чистотой помещений, поскольку большинство жителей получают доход от сдачи комнат внаём десяткам профессоров и сотням студентов, среди которых встречаются весьма знатные особы.

Гёттингенский университет¹ всего на год старше своего новоиспечённого студента, однако слава о нём уже гремит по всей Германии.

¹ Основатель этого учебного заведения, ганноверский министр барон Герлах Адольф фон Мюнхгаузен (1688—1770), приходился двоюродным братом знаменитому барону-рассказчику.

Университет в Гёттингене. 1747 год

Здесь царит свобода преподавания, по английскому образцу, то есть без богословской цензуры, что привлекает в Гёттинген лучших профессоров. Иоганн Лоренц читает курс прагматической церковной истории, Иоганн Матиас Геснер — классическую филологию.

Но подлинного любимца студенческой братии зовут Иоганн Давид Михаэлис. Он — знаток еврейских древностей, библейской экзегетики и восточных языков, автор первого научного комментария к Ветхому Завету. Впоследствии его признают основателем новой школы исторической критики. Для лучшего понимания смысла письменных памятников он требует их всестороннего изучения. Его метод таков: следует тщательно перебрать текст слово за словом подобно тому, как хозяйка перебирает горку горошин; уяснив точный смысл каждого слова, необходимо сравнить его с похожими словами в родственных языках, после чего изучить исторический быт народа, из чьей среды вышел памятник, и сопоставить его с обиходом современного Востока, причём историко-критический анализ текста необходимо подкрепить данными медицины, естественных и других наук.

При таком подходе казалось, что древний памятник оживает и начинает говорить на своём подлинном языке, бросая истинный свет на исторические эпохи, доселе скрытые за плотной завесой неизвестных или ложно понятых слов.

Михаэлис обаятелен и молод. Ему тридцать четыре года — как раз столько, чтобы между ним и юным Шлёцером ещё могла возникнуть духовная привязанность. С радостью мастера, обретшего настоящего ученика, он занимается огранкой его интеллекта и указывает цель, с высоты которой жизнь способна приобрести очертания судьбы. Встречу с Михаэлисом Шлёцер впоследствии считал истинным счастьем, неожиданным подарком providения.

И. Д. Михаэлис

О providении он мыслит отнюдь не абстрактно. В Гёттингене его захватывает чувство предуготованности к великому свершению. Под влиянием Михаэлиса юношеское увлечение романтикой странствий преобразуется в замысел большого путешествия на Ближний Восток, которое должно стать фундаментом для подлинно научного изучения Библии. Шлёцер смотрит на эту поездку как на высшее служение и окончательно отказывается от церковной карьеры. «Прежде, — пишет он матери о своём решении, — действительно не о чем было больше думать; но потом я сам заметил в себе божественное призвание, влекущее моё сердце к предметам высшим. Я принял намерение совершить далёкое и дорогостоящее путешествие, и в доказательство, что это намерение есть действительно божественное призвание, Providение указало мне пути, которые пред глазами всех людей таинственны и совершенно неожиданны. На таком-то пути я нахожусь теперь, и дело, которым я занимаюсь, есть Божие дело. Кто хочет мешать этому делу намеренно, из своекорыстных целей, тому я буду противиться во имя Бога, меня призывающего; кто же будет мешать моему делу по неведению, о том я сожалею и молю Всевышнего, да отпустит ему грех его».

Шлёцер понимает, что для осуществления задуманного нужна основательная подготовка. Прежде всего он налегает на арабский язык и всего за год овладевает им настолько, что с успехом заменяет студентам Михаэлиса во время его болезни.

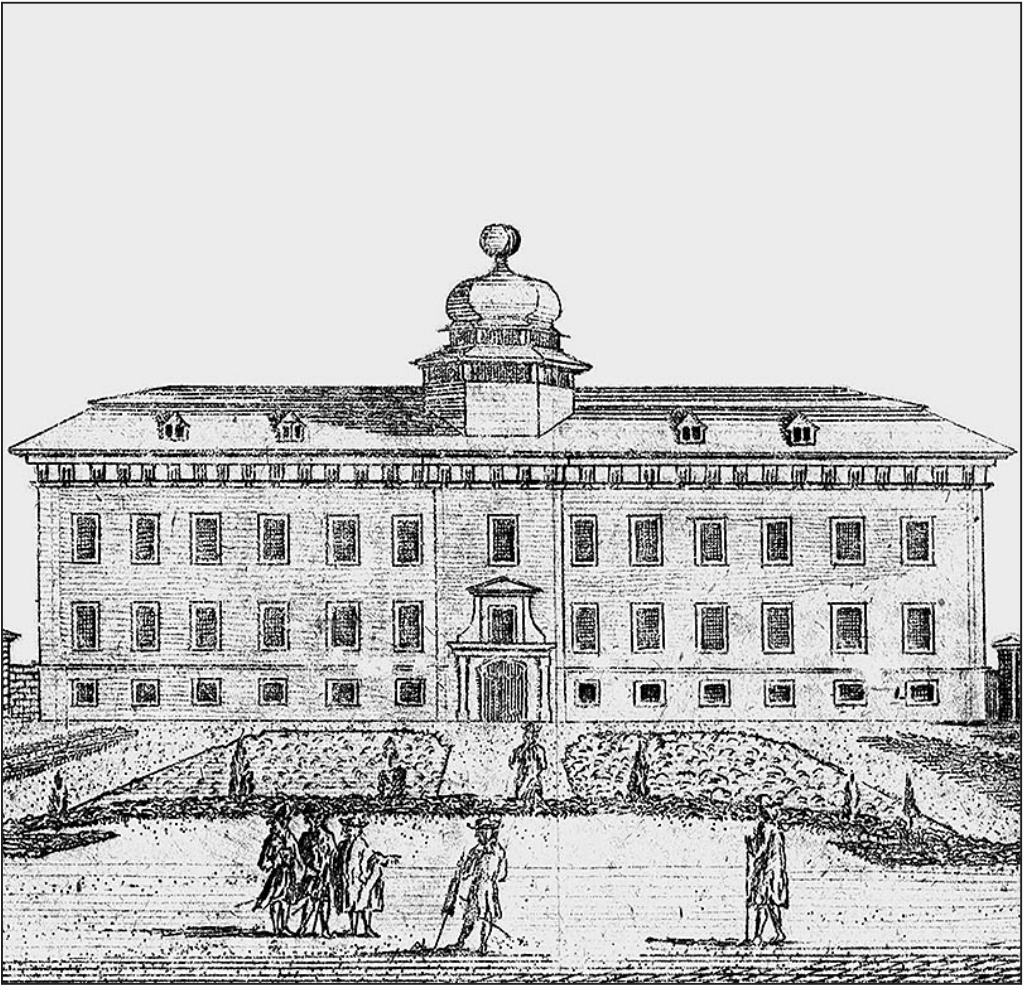
Но главная забота — деньги. У юного Гёттингенского дарования нет ни знакомств, ни научного имени, а значит, нет и желающих покрыть расходы на дорогостоящую экспедицию. Приходится рассчитывать только на собственные силы. И Шлёцер начинает сколачивать необходимый для поездки капитал.

У него нет другого пути, кроме как подороже продать товар, который в избытке хранится в его голове — знания. В 1755 году по рекомендации Михаэлиса он получает место домашнего учителя в Стокгольме и договаривается с владельцем одной газеты за 25 талеров в год поставлять оттуда новости. Из Стокгольма, как только представляется случай, Шлёцер перебирается в Упсалу, где в свободные часы посещает местный университет — старейшее учебное заведение в Швеции, предмет особого попечения шведских королей. В переполненной аудитории он слушает лекции профессора ботаники и медицины Карла Линнея и неизменно старается попасть в число двух сотен слушателей, которые сопровождают великого учёного на экскурсиях по Ботаническому саду.

Свои досуги Шлёцер отдаёт университетской библиотеке. Там, среди двухсот тысяч книг и манускриптов хранится драгоценный *Codex argenteus* («Серебряный кодекс») остготского короля Теодориха Великого — Евангелие VI века на готском языке, написанное на пурпурном пергаменте серебряными (и отчасти, золотыми) чернилами. Буквы прописаны настолько искусно и резко, что профессор филологии Юхан Ире уверяет всех, будто их впечатывали в пергамент подогретым металлическим шрифтом. Увлечённый его лекциями, Шлёцер не упускает случая выучить наряду со шведским ещё и готский язык, для чего внимательно штудирует свежее издание *Codex argenteus* 1750 года.

Эти занятия пробуждают в нём интерес к древней истории Швеции, которая, по воззрениям шведских учёных, признавалась родной готов.

Окрестности Упсалы дышат незапамятной стариной. Всего в четырёх километрах от города находится деревня Старая Упсала — первая столица свеев, резиденция конунгов из династии Инглингов, возво-

Университет в Упсале

дивших своё родословие к легендарным временам. Три огромных могильных кургана напоминают об их былой славе. Старинные хроники сохранили жуткие подробности местного религиозного культа. По свидетельству Адама Бременского, ещё при его жизни¹ в древней Упсале существовал золотой храм, в котором стояли идолы трёх божественных Асов — Тора, Одина и Фрейра. Чтить их полагалось посредством кровавых треб. В священной роще, неподалеку, на деревьях были развешаны тела принесённых в жертву собак, лошадей и людей.

¹ «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» написаны Адамом Бременским между 1072 и 1076 годами.

Храм в Упсале

Ранняя история свеев к тому времени была наиболее полно представлена в первом томе «Истории шведского государства» (1747) Улофа фон Далина — известного поэта, драматурга, королевского библиотекаря и историографа. Листая этот объёмный фолиант, Шлёцер по касательной знакомится со средневековой русской историей, которая у Далина рисовалась частью истории Швеции. По его утверждению, уже в VIII веке правители Руси «состояли под властью верховных королей Упсальских, от коих они имели происхождение и подпору». Но подлинное слияние двух государств состоялось в 900 году, когда по совету князя Гостомысла на Русь «для взятия наследственных своих земель во владение» был приглашён принц Рюрик (Эрик Биэрнзон), который прибыл в Голмгард / Новгород вместе со своими друзьями или родственниками, Трувором и Синиаугером (Синевом). С их приходом «как бы новый мир восприял в России своё начало, и в истории сего царства является новый свет. Славяне, составлявшие тогда часть онаго, получили токмо при сем случае и в начале десятого столетия буквы, научились писать, и стали начертывать свои происшествия...». На протяжении нескольких столетий «Гольмгардское государство» состояло «под верховным начальством шведской державы». И только монголы отторгли русский росток от шведских корней, «уничтожили древнюю связь с варягами; помрачили древний блеск, и весь народ преобразили».

Сочинения шведских историков закладывают фундамент исторического образования Шлёцера. Всеобщей истории как предмета в уни-

верситетских курсах германских университетов не существовало. Образованная Германия всё ещё довольствовалась компендиумами средневековых хроник «от сотворения мира».

Целый год проводит Шлёцер в Упсале, после чего едет обратно в Стокгольм. На этот раз он устраивается секретарём к богатому купцу Зееле, который поручает ему вести деловую переписку с немецкими компаньонами. Работа не слишком обременяет его. Сидя в купеческой конторе, он совершенствуется в арабском языке, учит исландский, финский, польский и пишет свой первый научный труд — историографический обзор «Новейшая история просвещения в Швеции».

Зееле нисколько не против того, что у его секретаря так много свободного времени. Напротив, он поощряет научные занятия Шлёцера и предлагает ему написать всемирную историю мореплавания и торговли, обещая дать денег на её издание. Шлёцер быстро выдаёт первый том (на шведском языке), посвящённый мореходству во времена финикийцев, которые, как считалось тогда несомненным, совершали регулярные торговые плавания до самого Земландского полуострова, но этим и ограничивается. Он ни на минуту не забывает, что Провидение ждёт от него совсем других трудов.

В Стокгольме его взоры впервые обращаются в сторону России. Прежние путешественники добирались на Восток по Средиземному морю, так почему бы не стать первопроходцем на новом, почти неизвестном сухопутном пути, пролегающем через земли малоизвестных народов, которые населяют огромную империю русских царей? Подобное предприятие сулит немалые выгоды тому, кто сумеет его осуществить. К тому же в этом случае можно будет рассчитывать на государственную поддержку смелого начинания, ибо какое же правительство не заинтересовано в изучении этнографической физиономии своих подданных?

Шлёцер пишет обстоятельную записку о своих намерениях, с которой обращается к советнику русского посольства в Стокгольме Александру Стахиевичу Стахиеву. Тот выражает готовность в случае необходимости снабдить путешественника рекомендательным письмом к историографу Российской империи Герарду Фридриху Миллеру.

Впрочем, всё это — не более чем прощупывание возможностей. Пока что Шлёцер не чувствует себя достаточно подготовленным к столь ответственной научной миссии. На досуге он набрасывает план действий на ближайшие несколько лет. Прежде всего — изучить

конторское дело и заинтересовать своим проектом богатых немецких купцов. Затем потратить год на изучение сельского хозяйства и промышленности, два года провести в Гёттингене, овладевая знаниями из области медицины, естественных наук, математики, и в завершение всего некоторое время пожить в Гамбурге для постижения основ мореплавания.

Приступить к исполнению своего плана Шлёцер поначалу намеревается в Данциге. Но время для поездки туда выбрано неудачно. В Европе бушует Семилетняя война, и в 1758 году русская армия занимает Восточную Пруссию. Данцигу грозят тяготы осады, поэтому Шлёцер направляется в Любек. Стоящее рядом, в Голштинии, 24-тысячное датское войско пока что служит этому городу надёжным залогом от вовлечения в бедствия войны.

Деловая жизнь в Любеке бьёт ключом. Шлёцер даёт уроки в домах состоятельных горожан, изучает тонкости цеховой бухгалтерии, ведёт с Линнеем переписку по вопросам естествознания и продаёт издателям за хорошую цену два новых своих сочинения: биографии знаменитых деятелей Швеции и собрание шведских исторических анекдотов. Но это все его успехи. Любекские купцы остаются равнодушны к его восточной затее.

Тем не менее заработанные в Любеке деньги позволяют Шлёцеру скрупулёзно придерживаться намеченного плана. Весной 1759 года он возвращается в Гёттинген, чтобы с головой погрузиться в изучение естествознания, медицины, метафизики, филологии, этики, математики, статистики, политики, древнееврейского законодательства, естественного права. Университет присуждает ему учёную степень. От графа Гогенлоэ приходит предложение принять духовный чин и возглавить один из приходов. Шлёцер отвечает отказом. Жизненная цель его неизменна. Одному из друзей он сообщает о своих дальнейших намерениях: «Пробуду здесь вероятно года два, потом поеду в Швецию на полгода, потом в Бордо, потом в Амстердам, потом в Лиссабон, потом в Египет и Месопотамию».

Он ещё не знает, что в планах Провидения направить его совсем в другую сторону.

Осенью 1760 года на волне успехов армии герцога де Брولьи в Гёттинген входят французы. В городе размещается гарнизон — пять тысяч отборных гренадёров во главе с генералом Во. Этот старый вояка, искалеченный на восемнадцати осадах, сразу же чинит обветшавшие

городские укрепления и приказывает жителям запастись на пять месяцев съестными припасами; кузнецам велено на случай морозов изготовить специальные крюки для взламывания льда на реке и в крепостном рву.

Распоряжения отданы как нельзя вовремя. Вскоре прусскому командующему принцу Фердинанду Брауншвейгскому удаётся отрезать Гёттинген от снабжения. Начинается двадцатидневная блокада. Генерал Во полон решимости отстоять город. Он тревожит неприятеля вылазками и велит замуровать отверстия шлюзов и свод малого моста, вследствие чего под городом происходит сильное наводнение. Осенняя непогода усугубляет бедствие. У пруссаков возникают затруднения с подвозом продовольствия. В довершение всего болезни начинают косить в прусском лагере людей и лошадей. Раздосадованный Фердинанд приказывает снять осаду.

Французы с торжеством располагаются на зимних квартирах. Но в феврале 1761 года Фердинанд внезапно атакует их, вынуждая поспешно бежать, бросив заготовленные склады с мукой и фуражом. В Гёттингене вновь воцаряется привычный порядок мирной жизни.

Именно теперь в судьбе Шлёцера совершается крутая перемена. И причиной тому стали совершенно посторонние люди.

Философию в Гёттингенском университете читал магистр богословия пастор Антон Фридрих Бюшинг. Со Шлёцером они не были знакомы, вероятно потому, что тот не находил нужным посещать философские лекции. Между тем Бюшинг уже составил себе научное имя как автор ряда богословских и историко-географических трудов. Широкая известность пришла к нему после выхода первых двух томов «Нового землеописания» (1754–1759), где среди прочего содержались подробные сведения о Российской империи, которую он посетил в 1749 году, состоя при датском посланнике графе Линаре в должности воспитателя его старшего сына. В Петербурге он познакомился со своим земляком профессором Герхардом Миллером, незадолго перед тем получившим звание российского историографа. После возвращения Бюшинга в Германию они состояли в переписке.

В конце 1760 года на Бюшинга навалилась хандра, вызванная тренингами с университетским начальством. Тремя годами ранее в своей диссертации на соискание степени доктора богословия он позволил себе высказать несколько неортодоксальных идей, и был заподозрен в ереси. Его попросили отказаться от богословских лекций и не печатать

богословских сочинений без предварительного согласия ганноверского тайного совета. Во время блокады Гёттингена Бюшинга терзала сильнейшая горячка, которая отняла у него последние силы и заставила думать о близкой смерти. Его жена Христина Дильтей — знаменитая в то время поэтесса и почётный член Гёттингенского учёного общества, всегда помогавшая мужу в научных занятиях, не могла рассеять его тоску.

Бюшинга вернуло к жизни приглашение из далёкой России. Тамошние немецкие друзья предлагали ему занять место пастора при самой большой и богатой лютеранской церкви в Петербурге — Петрикирхе (церковь Св. Петра).

На исходе зимы 1761 года Бюшинг начал готовиться к новой поездке в Россию. В это время он получил письмо от своего старого приятеля Миллера. Российский историограф, заваленный горой архивных материалов, которую он не был в состоянии разобрать в одиночку, искал себе в Германии толкового помощника, а точнее, архивного раба и переписчика. Но самостоятельные поиски его были безуспешны. Он даже напечатал в кёнигсбергской газете объявление о том, что «ищет немецкого студента, который первое время был бы у него домашним учителем, но которому, в случае его согласия, предоставит участие в своих занятиях и со временем, особенно если он научится по-русски, определит на службу в Академию». Однако охотников корпеть над русскими архивами так и не нашлось.

И вот теперь Миллер обратился к Бюшингу с просьбой до отъезда в Петербург помочь ему в поисках подходящего кандидата.

У Бюшинга тоже нет на примете никого, кто бы отвечал запросам Миллера. И всё же он с готовностью берётся исполнить дружеское поручение. Одного за другим он опрашивает своих коллег, не укажут ли они на честолюбивого студента с авантюрными наклонностями. Те пожимают плечами в ответ, как вдруг профессор Михаэлис заявляет, что, кажется, знает нужного человека.

Шлёцер, приглашённый к Михаэлису для беседы, конечно, ошеломлён услышанным, а ещё больше тем, что обожаемый учитель настойчиво подталкивает его в направлении Петербурга, подкрепляя свои убеждения теми же доводами, какими Шлёцер приводил сам себе в Стокгольме, когда составлял записку Стахиеву. План экспедиции на Восток, говорит Михаэлис, не только может быть легко соединён с новым проектом путешествия в Россию, но даже выиграл бы от этого.

Новизна маршрута придаст этой поездке особенный интерес, само путешествие совершится удобнее и безопаснее, потому что, без сомнения, русская Академия, а, быть может, и русское правительство окажет Шлёцеру покровительство. Влияние же России при стамбульском дворе доставит ему выгоды, какими не пользовался ни один европейский путешественник.

Совершить далёкое путешествие, имея в виду ещё более дальнее? К этому Шлёцер готов. Его смущает лишь то, что, приняв предложение Миллера, он поставит свой проект в зависимость от чужой воли. Ведь он уже недалёк от цели. Шестилетние усилия по сбору средств на путешествие принесли плоды. В настоящее время он владеет капиталом в размере 200 червонцев, и в его планах за короткий срок удвоить или даже утроить его. Ещё два-три года, и он сможет пуститься в путь за свой счёт.

Но слово Михаэлиса имеет над Шлёцером неоспоримую власть. К тому же из головы у него не выходит пример Карстена Нибура. Имя этого ровесника Шлёцера было у всех на слуху. Ничем не примечательный выходец из крестьянской семьи, Нибур с грехом пополам изучал в Гёттингене математику и геометрию, как вдруг увлёкся картографией и уехал в Данию, где присоединился к экспедиции, снаряжённой королём Фредериком V для исследования природы, этнографии и экономики Египта, Сирии, Аравии и Ирана. Не далее, как в январе 1761 года Карстен Нибур и его спутники отплыли из Копенгагена, держа курс в египетскую Александрию. Событие это широко освещалось в прессе.¹

Это ли не вдохновляющий образчик благодетельного сотрудничества науки и власти? И разве умный человек при посредстве влиятельных покровителей не сможет склонить к тому же русское правительство?

Шлёцер отправляется к Бюшингу, и они ударяют по рукам: за сто рублей годового жалованья Шлёцер берётся учить детей Миллера и помогать ему в учёных занятиях. Скромное вознаграждение не смущает его. Он уверен, что со своими трудолюбием и эрудицией в короткое время создаст себе приличное положение в Петербурге.

¹ Аравийский климат убьёт всех путешественников, кроме гёттингенского выпускника, которому суждено будет стать первооткрывателем мусульманского мира для европейских учёных, автором классического «Описания Аравии», составителем первых карт Йемена и восточной части Красного моря.

14 марта Шлёцер пишет Миллеру обстоятельное послание с изложением своего послужного списка, упоминанием о беседе со Стахиевым и подробным описанием «апокалипсиса» (как он сам называет свой план путешествия на Восток). Ему важно, чтобы его наниматель хорошенько усвоил, что имеет дело не с бедным студентом, ищущим заработка в чужих странах, а с человеком, имеющим перед собой даже не цель, а — высокое предназначение. Впрочем, он заверяет Миллера, что готов со всем усердием заниматься русской историей не только до восточного путешествия, но и после возвращения. Пока же он просит позволения отложить отъезд до конца лета, чтобы закончить все дела в Гёттингене и лучше подготовиться к новым занятиям в Петербурге.

Миллер в ответном письме соглашается на отсрочку, а относительно путешествия уверяет, что для него «в России легко встретится случай». В августе он присылает деньги на дорогу — десять червонцев. Шлёцер про себя презрительно хмыкает: «Петербургский сапожник

не выслал бы меньше подмастерью, которого выписал из Германии!» Жаловаться, однако, не на что, сумма вполне соответствует оговоренному жалованию.

А. Л. Шлёцер

19 августа наступает день отъезда из Гёттингена. Простившись с Михаэлисом, Шлёцер отправляется в Любек. Там его ждёт последнее искушение. Местный синдик¹ и соборный настоятель Дрейер, который познакомился со Шлёцером во время его проживания в Любеке зимой 1758—1759 годов, неожиданно предлагает ему место профессора философии и филологии в только что основанном университете

в Бютцове. По его словам, Шлёцеру нужно отказаться от путешествия в Россию и иметь терпение дожидаться благоприятного решения герцога Мекленбургского, которое Дрейер как один из его ближайших советников готов гарантировать.

¹ Глава городского самоуправления, управляющий делами корпорации, университета и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru